ВИЛЛА КАЛЬДЕРОН — ЗАЛ ЧАЙКОВСКОГО

Впервые Мария Роса и ее маленькая труппа выступали перед русскими у себя дома, в Испании. Это было неподалеку от Толедо, на вилле, принадлежащей потомкам семьи Кальдерон — великого драматурга XVII века. Хозяйка дома — композитор Фина де Кальдерон устроила прием в честь ансамбля Моисеева. Триста гостей любовались изящными и грозными очертаниями Толедо — города Эль Греко. Дух его творений — истовых и суровых — витал и здесь. Дух Испании, ее народа — жизнестойкого и жизнелюбивого в испытаниях, ниспосланных историей этой необыкновенной стране, существовал с несомненностью зелени дерев, волн реки, тверди небес... А если б кто-нибудь и усомнился в неистребимой творческой силе народной, ему следовало увидеть, как здесь танцуют.

Танцуют самозабвенно. Зажигательно. Красиво. Так же, как сейчас в Москве.

Неделя аншлагов в Зале имени Чайковского не новость. Радушие русских — общеизвестно. Но прием, который встретили Мария Роса и ее артисты, особенный. И это, несмотря на то, что труппа замечательного мастера — ее соотечественника и старшего коллеги Антонио, с которым мы познакомились прошлым летом, лучше — непосредственней, масштабней, уверенней владеющая формой балетного спектакля. Несмотря на то, что один из центральных номеров — «Арагонская хота», поставленная Педро Асорин для Марии Роса, уступает «Хоте», которую сочинил Игорь Моисеев, ибо он создал произведение народное в основе, но куда театральнее, композиционно интересней, благородней...

Я бы могла привести еще немало этих «несмотря» в поисках причины беспримерного успеха Марии Роса. Да, она снискала небывалую приязнь нашей аудитории, несмотря и на известное однообразие приемов, и на многое иное, что мешает стать ей вровень с Антонио или Моисеевым. Причины? Извольте: любовь. И это не одна причина, а много. Так много, как много на свете проявлений любви. И не только к избраннику сердца, но и к друзьям и, главное, к тому, кто одарил человечество всеми сокровищами танца и чье имя — народ.

Любовь к его пляскам, любование их стихийностью господствует и в танцах Канарских островов (музыка Фина де Кальдерон), и в баскских танцах, и в последней части триптиха Фламенко — во всех массовых номерах обширной и даже несколько утомительной программы. Энтузиазм исполнителей захватывает зал. Старое славянское присловье «У нас запляшут лес и горы» не кажется преувеличением: вот что роднит танцевальный фольклор столь далеких стран, как Испания и Россия,— заразительность темперамента.

Нет, всерьез и без кавычек: любовь в трио «Бенамор» (музыка Пабло Луна) представляет нам страсти столь истинные и прекрасные, что это произведение оказывается в ряду лучших из всех показанных Марией Роса.

И прежде всего хороша она сама. Музыкальна, как никто. Ее пластика телесна, материальна, чувственна. В ее танце есть нечто экстатичное. Иногда она кажется жрицей любви. Иногда самой обыкновенной насмешницей. На наших глазах происходит старая, как мир, война за сердце красавицы. Соперники скрещивают невидимые шпаги танца. Вот их единственное и мощное оружие. Перед нами происходит то самое единственное сражение, которое вправе остаться на земле, когда восторжествуют, наконец, разум и любовь...

А пока что она живет, трепещет и побеждает в этой удивительной картине, которую публика заставляет бисировать. И можно понять: такое хочется видеть не раз. Видеть и слышать. Последний глагол употреблен потому, что хороша музыка, звучащая в оркестре под управлением Херардо Гомбау. И потому еще, что суховатая песня кастаньет, трели тапатио, напоминающие дроби русских плясок, каждый поворот гибкого корпуса Фернандо Бельмонте, каждый жест Хуана Антонио Хименес — тоже музыка. Вот почему так удачно это трио с чисто исполнительской точки зрения: они отлично сработались; они все, как изысканные инструменты, настроенные по камертону Марии Роса. Не думайте, что ее героиня предпочла одного из соперников: они оба оказались равно побежденными. А победительницей осталась Она.

После такой сцены уже трудно сказать что-то новое в романтической сфере чувств. Вероятно, поэтому балет «Цыганская страсть», поставленный автором «Бенамор» Викторией Еугенией (музыка Руиса де Луна), произвел меньшее впечатление, чем описанная выше миниатюра.

Но поскольку весь концерт был пронизан ясностью и оптимизмом — вернейшими признаками народности искусства, мне хочется закончить свое обозрение самым радостным аккордом программы Марии Роса. То было «Болеро» на музыку Альбениса. Четыре человека с великолепным мастерством воссоздали атмосферу веселого и непринужденного народного танца. Еще значительней и интересней было то, что в таком «Болеро» отразился (да-да, как тот самый луч солнца в капле воды!) весь старинный балет! Я говорю не только почти о полном арсенале движений классического танца, которым с виртуозной легкостью владеет эта «великолепная четверка» (Гойо Монтеро, Роза Наранхо, Мари Лус, Алисия Каррион). Речь идет прежде всего о том, что, глядя на артистов в мягкой обуви, в очаровательных костюмах (вот где решена эта проблема номер один для нашего балетного театра!), безупречно обученных, мы легко представляем себе тот балет, каким он был еще до пуант, еще в XVIII — начале XIX века... Хороший был балет! Какой? Да вот такой, какой хвалил Пушкин: исполненный живости воображения и прелести необыкновенной...

Анна ИЛУПИНА.

Приложения к „Известиям" „НЕДЕЛЯ" г. МОСКВА

247